

ВВЕДЕНИЕ

Арабоязычные памятники письменности занимают особое место среди источников по истории Казахстана XII—XVI веков. С одной стороны, это взгляд со стороны на события, имевшие место на территории Казахстана, хотя самые ранние из них составлены в соседнем регионе — Мавараннахре (среднеазиатском Междуречье). С другой — они отражают процессы, происходившие преимущественно в духовной жизни страны. Это понятно, ибо памятники большей частью созданы духовными деятелями ('уламā'). Составленные в различных жанрах мусульманской литературы, они, наряду с собственно религиозными вопросами, освещают многие аспекты политической, экономической и культурной жизни¹.

Наиболее раннее сочинение из этой категории источников — «Китāб ал-қанд фй ма'рифат 'уламā' Самарқанд» Наджм ад-дйна Абӯ Ҳафса 'Умара ибн Муҳаммада ан-Насафӣ (ум. в 537/1142 г.), составлено в Самарқанде (см. Раздел 1). Оно относится к специальности «наука о передатчиках» ('илм ар-ридждāl) в рамках традиционалистских наук ('улӯм ал-ҳадӣс), поэтому содержит в себе биографии традиционалистов (муҳаддисов). Материалы по истории Казахстана, представленные в «Китāб ал-қанд», содержат два пласта: 1) недошедшее до нас сочинение Абӯ Са'да 'Абд ар-Раҳмāна ибн Муҳаммада ал-Идрӣсӣ (ум. в 405/1015 г.) «Китāб ал-камāl фй ма'рифат ар-ридждāl мин 'уламā' Самарқанд» и 2) сведения самого Абӯ Ҳафса ан-Насафӣ.

Историк ал-Идрӣсӣ бывал в Исбїджāбе, и его данные о местных муҳаддисах, ездивших в Самарқанд по торговым или иным делам, взяты из первых рук. Известно, что торговые караваны в

¹ Исследователи мало обращали внимание на эти виды источников, что видно из авторитетного пособия по библиографии: Bibliography of Islamic Central Asia/ Compiled and Ed. by Yuri Bregel. Parts I—III. Bloomington: Indiana University, 1995.

Саманидский период (260–389/874–999) главным образом шли из Китая через Исбиджаб/Исфиджаб/Исиджаб, Самарканд в направлении Багдада. Как показывают источники, *мухаддисы*, кроме собирания *хадисов*, активно занимались и транзитной торговлей. Их сеть (люди, связи, центры, духовная близость) на Великом Шелковом пути была гарантом безопасной и успешной торговли. Сообщения ал-Идриси помогут понять не только многие аспекты истории духовной жизни, но и изучить процесс транзитной торговли, происходивший на территории средневекового Казахстана.

Оригинальные сведения самого Абӯ Ҳафса ан-Насафӣ имеют важное значение в двух аспектах. Первый, как либерально настроенный *мухаддис*, автор сообщает о своеобразных локальных традициях в области хадисоведения в таком крупном центре мусульманской учености — Фарабе. Сообщения о престарелом сподвижнике Пророка — ар-Рӯми скорее напоминают ученых из ряда «увайси»². Второй — весьма ценные новые материалы о религиозной политике выходцев из внутренних районов Центральной Азии — кочевой династии Караханидов (389–609/999–1212) в Самарканде. Как свидетельствуют данные Абӯ Ҳафса ан-Насафӣ, они использовали выходцев из правобрежных районов Сирдарьи (Туркистан), вошедших в состав своего государства раньше Маваэранныхра, для назначения на высокие духовные должности (шайх ал-ислам, қадӣ и др.)³. Видимо, это делалось для ослабления общественных позиций собственно самаркандских богословов, крепко связанных общими интересами с различными слоями горожан.

² DeWeese D. An “Uwaysi” Sufi in Timurid Mawarannahr: Notes on Hagiography and the Taxonomy of Sanctity in the Religious History of Central Asia. Bloomington, Indiana, 1993 (Papers on Inner Asia, No. 22).

³ Muminov A. Le rôle et la place des juristes hanafites dans la vie urbaine de Boukhara et de Samarcande entre le XIe et le début du XIIIe siècle // Cahiers d’Asie centrale. Vol. 9 (2001): Études Karakhanides. P. 134.

Известно, что только две трети «Китāб ал-қанд» в уникальном списке дошли до нас. Избранные части из него были собраны в отдельное сочинение учеником автора — Мухаммадом ибн ‘Абд ал-Джалїлом ас-Самарқандї (XII в.). Недошедшие в авторском варианте части нами восстановлены по «Мунтахаб китāб ал-қанд» (Раздел 1).

Более строгий традиционалист Абӯ Са‘д ас-Сам‘анї ал-Марвазї (ум. в 562/1167 г.) на правобережье Сирдарьи не ездил, поэтому для данного региона пользовался сведениями «Китāб ал-қанд» или устной информацией приезжих ученых (Раздел 2). При этом он сильно сокращает материал Абӯ Ҳафса ан-Насафї, выводя биографии «слабых», с его точки зрения, *муҳаддисов*. Ценность представляют сведения Абӯ Са‘да ас-Сам‘анї о шафи‘итских центрах в Казахстане и местных *фақїхах-шафи‘итах*, ставших преемниками *муҳаддисов*. Отсутствие новой информации о *муҳаддисах* в «Китāб ал-ансāб» в более поздний период, скорее, свидетельствует о наступившем кризисе *‘улӯм ал-ҳадїс* в этом регионе.

«Китāб ал-ансāб» Абӯ Са‘да ас-Сам‘анї оказал огромное влияние на творчество последующих авторов из стран Ближнего Востока. Так, Ибн ал-Асїр (ум. в 630/1233 г.) в своем сочинении «ал-Лубāб фї тахзїб ал-ансāб» полностью переписал известный материал «Китāб ал-ансāб», сильно сокращая его (Раздел 5). Если Ибн ал-Асїр по другим регионам делает какие-то свои добавления к сведениям ас-Сам‘анї, то к материалам по Центральной Азии он не смог прибавить ничего нового. Если с одной стороны, это косвенно свидетельствует об ослаблении традиций в области хадисоведения в этом регионе⁴, то с другой — этот факт требует пересмотра нашего отношения к Ибн ал-Асїру как к оригинальному историку Центральной Азии.

⁴ Это также видно по деятельности ас-Сайрāmї в Египте (см. Раздел 11).

Материалы «Китāб ал-ансāб» Абӯ Са‘да ас-Сам‘анӣ и через него — сведения «Китāб ал-қанд» Абӯ Ҳафса ан-Насафӣ по части Центральной Азии послужили фундаментом для составления новых биографических словарей XIV в. — «Табакāt аш-шафи‘ийа ал-кубрā» ас-Субкӣ (ум. в 771/1370 г.; Раздел 9) и «ал-Джавāхир ал-мудӣ’а фӣ табакāt ал-ҳанафӣя» ‘Абд ал-Қāдира ибн Абӣ-л-Вафā’ ал-Қурашӣ (ум. в 775/1373 г.; Раздел 10). Однако одни и те же лица у одного из авторов описываются как шафи‘иты, а у другого — как ҳанафиты. Это можно объяснить, с одной стороны, тенденциозностью составителей словарей, стремившихся всех делать последователями своей богословско-правовой школы (мазхаб). А с другой — ан-Насафӣ и его предшественник Абӯ Са‘д ал-Идрӣсӣ (ум. в 405/1015 г.), собственно, не ставили себе целью написать историю какого-нибудь мазхаба. По этой причине многие исследователи, изучавшие историю ҳанафитской богословско-правовой школы исключительно на базе данных историко-биографической литературы, не смогли проследить тенденцию развития истории этого направления в Центральной Азии⁵. Другой исследователь — американец К. Мелчерт — высказывает еще одну точку зрения, заявляя, что на основе материалов одной историко-биографической литературы невозможно изучать историю формирования и развития местных школ мусульманского законоведения (фиқх) в Центральной Азии⁶.

⁵ Bilhan, Saffet. Les juristes hanafites de l’Asie centrale à l’époque des Qaraïanides. Thèse pour l’obtention du Doctorat de Spécialité (3-e cycle) Sciences Juridiques, présentée et soutenue publiquement à l’Université de Droit et d’Economie et de Sciences Sociales de Paris (Paris II). Paris, 1973; Kavakcı, Yusuf Ziya. XI ve XII. Asırlarda Karahanlılar Devrinde Māvāra’ (!) al-Nahr Islām Hukukçuları. Ankara, 1976 (Atatürk Üniversitesi Yayınları. 430); Āl-Қайс, Қайс. Ал-Йрāнийӯн ва-л-адаб ал-‘арабӣ. ал-Муджаллад ал-хāмис. Риджāl фиқх ал-ҳанафӣя. Тихрāн: Му’ассасат ал-бухӯс ва-т-таҳқӣқāt ас-сақāфӣя, 1370/1991.

⁶ Melchert, Christopher. The Formation of the Sunni Schools of Law, 9th–10th Centuries C.E. Leiden, New York, Köln: Brill, 1997. P. 132–136.

В науке уже показана роль мурджи'итских движений и учения в распространении ханафитского *мазхаба* в Восточном Хорасане и Мавараннахре⁷. Известно, что лидер мурджи'итского восстания ал-Х̣āрис ибн Сурайдж (116–126/734–744) определенное время находился в Ф̣āрāбе у местного тюркского правителя. Возможно, что благодаря ему протоханафитские идеи уже в ранний период истории ислама получили распространение в городах Туркистанa. Другим каналом проникновения ханафитских идей в регион могла стать деятельность знаменитых хорасанских ханафитов Аб̣у Му'āза Х̣āлида ибн Сулаймāна ал-Балх̣и и 'Абд ал-'Аз̣йза ибн Х̣āлида ат-Тирмиз̣и. Сообщается, что около 190/805–806 г. в городах тюрок в окрестностях Ш̣āша и Ф̣арг̣āны около 100 тысяч человек приняли ислам из их рук⁸.

Уже в Сāmāнидский и Қарах̣āнидский периоды мы наблюдаем зрелые ханафитские центры во всех крупных городских центрах Туркистанa. О части выдающихся деятелей из этих регионов сообщают разделы 10–12, 14–18 этой книги. В них частично содержатся сведения этого разряда и по постмонгольскому периоду. Обычно в поле зрения этих ближневосточных авторов попадали центральноазиатские *фақй̣хи*, приезжавшие работать и жить в их страны. О степени развитости ханафитских традиций на их родине мы имеем лишь косвенные данные. О ней мы можем рассуждать по качеству первоклассных трудов Х̣усām ад-д̣йна ас-Сиг̣нāқ̣й (ум. в 711/1311–1312 или в 714/1314–1315 г.), Ам̣ира К̣āтиба ал-Итқ̣āни (ум. в 758/1357 г.) и других. Они заняли ведущие позиции в конфессиональной системе государств Мамлюков (648–922/1250–1517) и 'Ос̣мāнских султ̣āнов (680–1342/1281–1924).

⁷ Madelung W. The Early Murji'a in Khurāsān and Transoxania and the Spread of Hanafism // Der Islam. LIX (1982). P. 32–39.

⁸ Наджм ал-д̣йн 'Умар ибн Муҳаммад ибн Аҳмад ан-Насаф̣и. ал-Қанд ф̣й зикр 'уламā' Самарқанд / Таҳқйқ Й̣усуф ал-Х̣ādй. Тихрāн: Айина-йи мйрās, 1420/1999. С. 129–130.

Однако в биографических словарях нет информации о действовавших в Центральной Азии центрах, так как этот жанр литературы в данный период в нашем регионе отсутствовал. Определенное значение для изучения научных центров Казахстана имеет региональный метод, использованный профессором А. Дербисалиевым в своем исследовании⁹. Как мы выше отмечали, возможности историко-биографической литературы ограничены. В такой ситуации плодотворным может оказаться метод по сбору новых данных, использованный знаменитым татарским богословом Шихаб ад-дйном ал-Марджанй (1818–1889) при составлении своего труда по истории татар Булғара и Қазанй¹⁰. Суть его подхода состояла в том, что в просмотренных им лично многочисленных рукописных сочинениях он находил и восстанавливал имена богословов региона, фактически утерянных для истории. В Разделе 19 нами были зафиксированы 25 старинных рукописей, в написании которых принимали участие представители Казахстана. Это переписчики, каллиграфы, редакторы, ученые, владевшие правом авторизованной передачи (иджаза) того или иного религиозного текста.

Другой вид источников — сочинения, составленные самими казахстанскими богословами. Они до сих пор полностью не изучены. В комментариях к переводам мы отметили названия фондов, инвентарные номера, под которыми хранятся рукописные сочинения этих авторов.

Совершенно самостоятельным источником является произведение Ибн ал-Фувайдй (ум. в 723/1323 г.; Раздел 6), арабоязычного

⁹ Дербисалиев Ә. Қазақ даласының жұлдыздары (тарихи-филологиялық зерттеу). Арнаулы редакторы және кіріспе сөзін жазған Ә. Жәнібеков. Алматы: Рауан, 1995.

¹⁰ Шихаб ад-дйн ибн Бахә' ад-дйн ал-Марджанй ал-Қазанй. Китаб мустафад ал-ахбәр фй ахвāl Қазан ва-Булғәр. ал-Қисм 1–2. Казань, 1897–1900 (перепечатка старого издания: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları, 155; Ankara Üniversitesi Basımevi, 1997).

автора, творившего на территории йлхāнидского Йрāна (654—754/1256—1353). Он рассказывает о представителях новых исламских центров Казахстана, солидно заявивших о себе в постмонгольский период — Қарāсмāна, Ймйла, Қайāлиға и других.

Рассмотренные источники (историко-биографическая литература, собственно произведения ханафитских авторов, древние списки авторитетных религиозных текстов, созданных на территории Казахстана, сведения нейтральных авторов, каковым является ханбалитский *фақих*-историк Ибн ал-Фуваṭй) свидетельствуют о том, что в постмонгольский период (XIII—XV вв.) **регион среднего и нижнего течения Сирдарьи** с многочисленными городами вышел в областях ханафитского *фиқха*, арабской филологии, других наук на передовые позиции в масштабе всей Центральной Азии. Этот регион успешно конкурировал с такими признанными центрами, как Бухāрā, Самарқанд, Хорезм. Вероятно, в этом немалую роль сыграло изменение генерального направления движения политики, экономики, торговли, идей. Если раньше оно шло из внутренних районов Центральной Азии в сторону мусульманских центров, то теперь — из центральных регионов мусульманского мира через бассейн реки Сирдарьи в сторону столиц монгольских государств. Есть все основания говорить о том, что начиная с этого периода ханафитский *мазхаб* стал доминировать в казахской степи.

Сведения Ибн ал-Фуваṭй проливают свет на процессы, шедшие в старых культовых центрах — Қарāсмāне, Қайāлиге, Йасй и других. Усиление позиций ученых-традиционалистов (ал-‘улум ан-нақлийа) бросило вызов местным служителям культов — потомкам святых. Из других источников (генеалогии — насаб-нāма, шаджара) мы знаем, что их ответом на этот вызов стали трансформация и появление новых редакций, версий сакральных историй по распространению ислама и роли в ней местных сакральных семейств. Такие же процессы шли в суфийских¹¹, ши‘итских общинах, среди

¹¹ DeWeese D. Bābā Kamāl Jandḡ and the Kubravḡ Tradition among the Turks of Central Asia // *Der Islam*. 71 (1994). P. 58—94; ДуУис. Ахмад Йасави // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь.

представителей рационалистских наук. О предмонгольском состоянии в этих средах и общинах богатый материал предоставляют: о филологах в Разделе 4 — Йақўт ал-Ҳамавӣ (ум. в 626/1229 г.)¹², о ши'итских нақиб̄ах и философах в Разделе 3 — Ибн ал-Фундуқ ал-Байхақӣ (ум. в 565/1169–1170 году).

Другое направление движения интеллектуальной жизни на территории Казахстана находилось в бассейне Сирдарьи, Мавараннахра, Хорезма, Йрāна и шло в сторону Золотой Орды (623–907/1226–1502)¹³. В пределах Золотой Орды в XIII–XV вв. отмечается расцвет всех отраслей науки. В прежних публикациях основной акцент делался на освещение политической истории этого государства¹⁴. Однако даже в таких публикациях не все источники были охвачены. В этот сборник включены переводы из двух источников, ранее не исследовавшихся (Разделы 7 и 8). Особо следует сказать о сведениях, представленных Ибн ад-Давādārӣ (ум. после 736/1335 г.), где описывались факты вытеснения сторонников Тұқтāйа (689–712/1290–1312) с территорий Узбек-хāна (712–742/1312–1341). Автор ярко описывает пребывание посоль-

Вып. 4 / Под ред. С. М. Прозорова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. С. 8–12; *он же*. Йасавийа // Там же. С. 35–38.

¹² Ильясова Э. С. Йақўттың «Му'дждам ал-булдан» (XIII г.) жағрафиялық жинағы — Қазақтанның ортағасырлық тарихының дерегі. Тарих ғылымдарының кандидаты ...дисс. авторефераты. Алматы: Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, 2006. Имея в виду, что перевод извлечений из «Му'дждам ал-булдан» по Казахстану готовится в печать Э. С. Ильясовой, мы не включили материалы из этого источника в данный сборник.

¹³ Муминов А. К. Деятельность ученых-‘улама’ из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 121–127.

¹⁴ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Алматы: Дайк-Пресс, 2005 (История Казахстана в арабских источниках. Том I).

ства Туктāйя в Египте, резонанс, последовавший после этих событий в мамлюкском дворе.

Сейчас по мамлюкской историографии издаются новые источники, критически пересматриваются старые издания, сделаны новые открытия. Например, колоритная личность Ибн ‘Араб-шāха (ум. в 854/1450 г.) и его творчество вновь попали в поле зрения исследователей¹⁵. Сочинение Ибн ‘Араб-шāха «Фāкихат ал-хулафā’ ва-муфāкахат аз-зурафā’»¹⁶ имеет большое значение для изучения истории Казахстана и места «Йасā» в развитии обычного права у кочевых народов. Именно поэтому мы подробно остановились на его биографии (Разделы 13 и 18). Издание перевода данного сочинения с комментариями — тема будущих исследований.

По материалам, имеющимся в историко-биографической литературе, ученые пытаются восстановить состояние научной среды в столицах Золотой Орды. Эту работу можно продолжать по многим направлениям. Следует отметить, что интеллектуальная среда

¹⁵ *Inwin, Robert C. What the Partridge Told the Eagle: a Neglected Arabic Source on Chinggis Khan and the Early History of Mongols // The Mongol Empire and its Legacy/Ed. by Reuven Amitai-Preiss and David O. Morgan. Leiden, Boston, Köln: Brill, 1999. P. 5–11.*

¹⁶ Этот источник уже трижды издавался, с каждым изданием он совершенствуется: 1) Freytag, Georg Wilhelm Friedrich. [Ahmad b. Muhammad]. *Fākihāt al-khulafā’ wa-mufākahāt al-zurafā’ seu Fructus imperatorum et iocatio ingeniosorum, auctore Ahmede filio Mohammedis cognominato Ebn-Arabschah, quem primum e codicibus ed. et adnotationibus criticis instruit Georg Wilhelm Freytag. Bonnae: Apud C. Spobloch, 1832–1852;* 2) некритическое издание со многими грубыми ошибками было выпущено в Каире в «Мактабат ал-Халабй» в 1909 году на 189 страницах; 3) Ибн ‘Араб-шāх. *Фāкихат ал-хулафā’ ва-муфāкахат аз-зурафā’*. Тахқйқ Айман ‘Абд ал-Джāбир ал-Бухайрй. ал-Қāхира: Дār ал-āфāқ ал-‘арабийā, 1421/2001. Для составления критического текста были использованы три основы — автограф 850/1446–1447 г., хранящийся в «Дār ал-кутуб ал-мисрййā», фонд «Адаб Тймўр», № 764, на 308 листах, также другая рукопись этой же библиотеки («Адаб Тал‘ат», № 4606) на 289 листах и старое каирское издание.

играла большую роль в передаче знаний между региональными центрами ханафитского мира. Ранее на основе публикации профессора В. Маделунга отмечался средневосточный путь (Бухара, Хорасан, Ирак, Сирия, Египет, Малая Азия) передачи центрально-азиатских традиций в области матуридизма и ханафитского фикха¹⁷. Теперь можно говорить о казахстанском пути передачи через Хорезм, Золотую Орду, Хаджжй-Тархан, Крым, Малую Азию.

К тексту переводов приложен глоссарий. Указатели составлены У. А. Утепбергеновой.

Выражаем благодарность нашему учителю Станиславу Михайловичу Прозорову, всегда помогающему своими ценными советами в изучении различных аспектов истории ислама в Центральной Азии, профессору Девину ДеВису, предоставившему возможность работать в библиотеке Университета Индиана в рамках Проекта “Historical Foundations of Islamic Identity in Central Asia” (май–июль 2006 г.), а также за его ценные, профессиональные советы в ходе работы над данной книгой и Н. К. Утепбергеновой, А. Ш. Нурмановой, Ж. Несипбаевой за практическую помощь при подготовке настоящей книги к изданию.

А. К. Муминов

¹⁷ Madelung W. The Spread of Maturidism and the Turks // Actas IV Congresso de Estudos Árabes e Islâmicos. Coimbra-Lisboa 1 a 8 de Setembro de 1968. Leiden: E.J.Brill, 1971. С. 109–168.